

Ху Пэй сидел в седле прямо перед Чао Цо. Ощукая спиной жар его широкой груди, он чувствовал, как постепенно оттаивает его собственное, уставшее от этого мира сердце.

Так продолжалось до тех пор, пока Чао Цо, бесцеремонно оттолкнув преградивших путь Ху Линя и Минцуаня, не увлёк его за собой в спальню во внутреннем покое Дворика Нефритового Ириса.

Взглянув на застывшего в дверях юношу, напоминавшего непоколебимого железного исполина, Ху Пэй взял себя в руки. Он велел растерянным слугам приготовить побольше горячей воды для купания, а затем негромко окликнул юношу с высокой, но ещё по-юношески угловатой спиной:

— Чао Цо, спасибо тебе.

Чао Цо лишь небрежно махнул рукой, изо всех сил стараясь обуздать бурлящую молодую кровь.

Всю дорогу, пока они мчались верхом, он чувствовал перед собой того самого человека, который давно занял все его мысли. Для юноши, ещё не знавшего любви, но томимого сладостным любопытством, эта близость обернулась настоящим испытанием.

Чтобы перевести дух, он торопливо вышел во двор и остановился под раскидистым кедром.

Вокруг залиvisto щебетали птицы. Оторвав взгляд от зелёных ветвей, он посмотрел на окна спальни, выходившие прямо во двор.

И тут его мысли невольно приняли весьма фривольный оборот.

«Интересно, — подумал он, — возвращаясь со службы, неужели Ху Пэй так же стоит у этого окна и любит садом?»

Наделённый пылким воображением, Чао Цо живо представил, как Ху Пэй распахивает створки и видит его, стоящего внизу, в тени величественного дерева.

Картина их встречи — стремительной, яркой и чувственной — вспыхнула в сознании, словно брошенный в тихую воду камень. Сердце зашлось в неистовом ритме, а по жилам побежал обжигающий жар, который невозможно было унять.

«Чирик-чирик... Плюх!»

— Да чтоб вас! — выругался Чао Цо, проведя ладонью по лбу. Пальцы оказались испачканы в свежем чёрно-белом птичьём помёте.

Скривившись от отвращения, он задрал голову к небу. Вся романтическая чепуха разом вылетела у него из головы.

На ветках заливалась неугомонная стайка алых зябликов.

— Эй, пернатые, имейте совесть! — недовольно буркнул Чао Цо. — Я вообще-то вашего хозяина спас.

«Чирик-чирик!» — заверещал один, словно дразнясь: «Гляньте на этого верзилу, вечно ему всё мало. Точно такой же олух, как тот бесхвостый сосед, что никак себе самку найти не может!»

«Чирик-чирик! Слышь, ты! Вот погоди, наваляю тебе, и все твои девки моими станут!»

«Чирик-чирик! Испугал! Мы, воробьиные, живём по закону силы: кто сильнее, у того и гарем больше! А ну, иди сюда!»

«Сам иди!»

Два маленьких алых комочка взмыли в воздух прямо над двором, яростно хлопая крыльями и норовя побольнее клюнуть друг друга.

Остальная стая с оглушительным писком облепила ветви, то ли подзадоривая драчунов, то ли пытаясь их разнять.

Ошалело понаблюдав за этим представлением, Чао Цо поспешил отойти подальше от греха, резонно опасаясь получить ещё один «подарок» с небес.

В этот момент во двор вошли Минцуань и Ху Линь с полными вёдрами горячей воды. Заметив плачевный вид гостя, Минцуань побежал обратно и принёс ему таз, чтобы умыться.

Стоя под навесом галереи, Чао Цо смывал с лица грязь, то и дело поглядывая то на двери покоев, то на старый кедр. Но стоило ему поднять глаза, как он оцепенел.

Пока слуги сновали туда-сюда с вёдрами, на дерево начали слетаться птицы самых разных видов. Вскоре ветви покрылись сплошным живым ковром из перьев — зрелище было завораживающим и пугающим одновременно.

Сердце Чао Цо взволнованно ёкнуло.

«Уж не перевоплощение ли он какой-нибудь божественной птицы? С чего бы их тут столько собралось?»

Тем временем в Великом золотом дворце, как только шестого принца Сюаньюань Юэ увели Наследный принц Сюаньюань Хай и стража из Министерства юстиции, великий канцлер Цзи Сюэкан, получив известие, поспешил на аудиенцию к императору Дигэну.

Дело приняло скверный оборот: в него оказались впутаны сразу четверо принцев. Малейшая оплошность — и головы полетят у всех, кто занимался расследованием.

Великий церемониймейстер Ху Юньшэнь тоже узнал новости из Министерства юстиции и понял, что под удар попал его сын Ху Пэй.

Получив весточку от мелкого чиновника из Военного ведомства о том, что с Ху Пэем всё в порядке, он вздохнул с облегчением. Вскоре к нему присоединился Чао Ган — отец Чао Цо, не находивший себе места от страха, что его непутёвый сын понесёт суровое наказание за избиение принца. Вместе они принялись пристально следить за развитием событий при дворе.

Вскоре из-под стражи освободили восьмого принца Сюаньюань Дуаня.

Как выяснилось, в тот злополучный день он собирался покинуть дворец, но по пути встретил слугу, который передал ему записку. Именно поэтому он отправился в Павильон Прорицания Славы — место, мимо которого часто проходил Ху Пэй, и стал там ждать.

Однако стоило ему переступить порог, как на него с безумным видом набросился полураздетый четвёртый принц Сюаньюань Ся.

Кое-как отбившись от обезумевшего брата, Сюаньюань Дуань поспешил убраться восвояси. О случившемся он предпочёл умолчать, решив не поднимать шума и не устраивать разборок с Ху Пэем.

На следующий день должна была состояться торжественная церемония провозглашения Наследного принца. В такое время любое неверное движение привлекло бы ненужное внимание всех придворных группировок.

Но беда всё равно грянула: Сюаньюань Ся погиб прямо в день торжества, а его бездыханное тело подкинули во Дворец Небесных Тайн.

Очевидно, принца убили с целью сорвать церемонию и подставить соперников. Однако император Дигэн счёл это покушением на собственное величие и упрямо велел провести коронацию вопреки всему.

Теперь следователи из Министерства юстиции лично осмотрели место преступления.

По их расчётам, после стычки с восьмым принцем Сюаньюань Ся пробрался в сад Дворца Небесных Тайн, откуда по потайному переходу рассчитывал вернуться во Дворец Вечного Спокойствия — прежнюю резиденцию шестого принца.

Но кто открыл ему двери во Дворец Небесных Тайн и помог скрыться через задние ворота? И главное — кто помог шестому принцу Сюаньюань Юэ протащить мёртвое тело в главный зал Наследного принца?

Наследный принц Сюаньюань Хай помрачнел от гнева. В его голове всплыло одно имя, и он немедленно приказал страже схватить подозреваемого.

Вскоре прибежал запыхавшийся дворцовый слуга в сопровождении гвардейцев:

— Ваше Высочество! Стражник Цзян Лан, предъявив фальшивый приказ Наследного принца, уже покинул дворец через Северные ворота. Гвардейцы выслали погоню за пределы города!

— Паршивец! Так это всё-таки он! — в ярости воскликнул Сюаньюань Хай.

Пренебрегая уговорами чиновников трёх ведомств, он ворвался прямо в тюремную камеру и грубо оттолкнул лекаря, обрабатывавшего раны шестому принцу.

— Что ты с ним возишься?! Братоубийца, лишившийся всякой совести! Оболгал Наследного принца, подставил младшего брата, покусился на жизнь придворного чиновника, да ещё и подкупил моего личного телохранителя... Любого из этих грехов довольно, чтобы лишить тебя титула и сгноить в канаве!

Сюаньюань Юэ, чьё лицо от побоев опухло так, что напоминало бесформенный разбухший каравай, сидел на грязной соломе в наспех наброшенном халате.

— Пя... пятый брат... — прохрипел он, едва ворочая языком. — Мен... меня подставили...

Но не успел он даже приподняться, как ослеплённый яростью Сюаньюань Хай нанёс ему сокрушительный удар ногой в грудь.

Сюаньюань Юэ повалился навзничь. Кости грудной клетки, которые лекарь только начал собирать и фиксировать, с треском сместились, и сломанное ребро вонзилось прямо в лёгкое.

Изо рта несчастного хлынула тёмная кровь. Захрипев, он забился в судорогах, его взгляд остекленел, и через пару мгновений он затих навсегда.

Смерть принца прямо в камере за считанные секунды повергла всех присутствующих в неопиcуемый ужас.

Сюаньюань Хай, осознав содеянное, мгновенно ожесточился. Обведя лекаря и оцепенелых чиновников из Министерства юстиции ледяным взглядом, он процедил сквозь зубы:

— Я — Наследный принц Великой Чжоу, будущий владыка этих земель. Шестой принц Сюаньюань Юэ, не вынеся позора, покончил с собой прямо в камере. Всем всё ясно?

Перед угрозой будущего императора чиновники — а их в темнице собралось не меньше десятка — покорно склонили головы, не смея промолвить ни слова.

Именно в этот момент в дверях появились император Дигэн и великий канцлер Цзи Сюэкан, которых тайно привёл туда третий принц Сюаньюань Сюань. Государь воочию застал сцену, где его старший сын сыпал угрозами, а на полу лежало бездыханное тело замученного шестого принца.

— Наследный принц... Какое величие, — прошептал император Дигэн. Голос его дрожал от едва сдерживаемой ярости, а сам он побелел как полотно. — Шестой сын совершил злодеяние и убил брата. А ты? Решил превзойти его и вершить самосуд?

Не договорив, император схватился за грудь, воздух со свистом застрял у него в горле. Он начал валиться навзничь, но великий канцлер Цзи Сюэкан вовремя подхватил его под руки.

Сюаньюань Хая обуял панический страх. Он бросил полный бешеной злобы взгляд на стоявшего поодаль третьего принца Сюаньюань Сюаня, который лишь смиренно опустил глаза.

Поняв, что угодил в тщательно расставленную ловушку брата, Наследный принц бросился на колени перед задыхающимся отцом, моля о пощаде.

Но император был безутешен. Один за другим гибли его сыновья. Пусть к четвёртому принцу он не питал нежных чувств, тот оставался его плотью и кровью, а также важной фигурой в политической игре, призванной шпионить за князем Сюанем. Теперь все эти тонкие планы пошли прахом. Сердце правителя разрывалось от гнева и бессилия.

Немного придя в себя, Дигэн хрипло выкрикнул:

— Я надеялся, что вдали от столичной суеты князь Сюань вырастит из тебя мудрого и благородного мужа, знающего толк в науках и управлении государством! Но ты оказался жадным до власти зверем, готовым растерзать родного брата! Чем ты лучше этого безумца Сюаньюань Юэ?! С этого дня Наследному принцу запрещается покидать Дворец Небесных Тайн! Пусть великий наставник лично займётся твоим воспитанием, раз ты не научился быть человеком!

В этот миг император горько пожалел, что проигнорировал предостережения князя Сюаня при назначении Сюаньюань Хая. В его душе впервые зародилось твёрдое намерение низложить Наследного принца. Однако Сюаньюань Хай был сыном его самой любимой наложницы, возведённым на этот пост вопреки воле многих министров. Свергнуть его всего через десять дней после назначения? Смерти принца никто бы не заметил, но подобный шаг выставил бы самого императора на посмешище перед всей Поднебесной.

Взвесив все за и против, Дигэн приказал Цзи Сюэкану и судейским чиновникам закрыть дело об убийстве четвёртого принца, списав смерть шестого принца на самоубийство от страха перед наказанием. Признать публично, что Наследный принц убил собственного брата прямо в темнице, было выше его сил.

Это потрясение окончательно подкосило здоровье престарелого монарха. Вернувшись в свои покои, он слёг в постель в тяжелейшей лихорадке.

Пока во дворце кипели нешуточные страсти, в Дворике Нефритового Ириса день клонился к вечеру. На вершине старого кедра пернатые спорщики наконец выяснили отношения, и оглушительный гомон сменился мирным, тихим щебетанием. Птицы поуютнее устроились на ветках, лишь изредка подавая голос.

Окно спальни со скрипом отворилось. Ху Пэй, как и надеялся Чао Цо, выглянул во двор. В золотистых лучах заходящего солнца стоял высокий юноша с небрежно распахнутым воротом, являя взору крепкую юношескую грудь.

Заметив, как лицо Чао Цо мгновенно озарилось неподдельной радостью, а улыбка вышла теплее угасающего солнца, Ху Пэй невольно улыбнулся ему в ответ.

Чао Цо в два широких шага оказался у самого окна.

— Ху Пэй, ты как...

— Всё в порядке, — перебил его Ху Пэй, мельком взглянув на свои покрасневшие и слегка сморщенные от долгого мытья пальцы. Он мягко потянул Чао Цо за край его чужого, сидевшего вразнобой халата и добавил: — Заходи в комнату, переоденься в своё.

— Ага! Подвинься чуток, я сейчас! — воодушевлённый Чао Цо уже нацелился перемахнуть через подоконник, желая покрасоваться своей молодецкой удалью.

Ху Пэй насмешливо прищурился и покачал головой:

— Перестань вести себя как разбойник с большой дороги. Здесь стоит ложе. Наступишь

грязными сапогами — заставляю покупать новое и тащить его сюда на собственном горбу.

«Выходит, он сейчас сидит на коленях на постели?» — сообразил Чао Цо.

Лицо его мгновенно вспыхнуло пунцовой краской. В памяти всплыли свадебные обряды, где новобрачные точно так же склоняются друг перед другом. Сгорая от смущения, он торопливо обошёл галерею и вошёл через парадную дверь покоев.

Проводив его взглядом, Ху Пэй повернулся к притихшим на ветках птицам и мягко произнёс:

— Спасибо, что беспокоились обо мне. Поешьте, прежде чем улетать.

Он кивнул Ху Линю, чтобы тот насыпал птицам зерна во дворе.

Привычный к таким поручениям слуга разминулся в дверях со смущённым Чао Цо и вышел в сад.

Посмотрев на вошедшего юношу, Ху Пэй указал в сторону ширмы:

— Ступай за ширму, ополоснись. На твоих рукавах кровь. Руки ты, конечно, вымыл, но не мешает сделать это ещё раз, почище.

Заметив лёгкую брезгливость на его лице, Чао Цо тихонько заворчал себе под нос: «Да я же ради тебя старался... Чистюля изнеженный...» Но вслух лишь поспешно выпалил:

— Понял, понял, уже иду.

Больше всего на свете он боялся этого прищуренного, лукавого взгляда Ху Пэя — вроде и не сердится вовсе, а смотреть боязно: вдруг обидится и перестанет разговаривать?

Минцуань тем временем наполнил ушат свежей горячей водой и уступил место гостю.

Заглянув за ширму, Чао Цо обнаружил там аккуратно сложенное чистое платье и свежее бельё его размера. Он невольно подумал, что Ху Пэй заботится о нём лучше родной матери.

С тихим довольным смешком он забрался в ушат и принялся с наслаждением отмываться с головы до ног.

«А что, если остаться здесь на ночь?..»

От этой мысли не только вода в бочке показалась обжигающей — он сам мгновенно покраснел, словно варёный рак.

Вдобавок ко всему перед глазами, словно наяву, возник соблазнительный образ улыбающегося Ху Пэя, на котором не было ни единой нитки одежды.

Сердце заколотилось как безумное, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. В панике Чао Цо с головой нырнул в горячую воду, пытаясь остудить вспыхнувший жар.

Когда он вынырнул и глотнул воздуха, разум немного прояснился, но взбудораженное сердце по-прежнему билось в бешеном ритме. Он сам не заметил, как глупо и счастливо улыбнулся.

Ху Пэю, сидевшему во внешней комнате, и в голову не могло прийти, каким непотребствам предаётся этот юнец в его купальне.

Опершись на спинку ложа, Ху Пэй задумчиво наблюдал за суетящимися во дворе птицами. Насытившись, они поочерёдно взмывали в небо, унося с собой крохи новостей, полученных из самого сердца императорского дворца.

Узнав о том, как император Дигэн поступил с Наследным принцем, Ху Пэй лишь презрительно усмехнулся.

Он размышлял о том, что третий принц Сюаньюань Сюань в этой заварухе умудрился выйти сухим из воды и занять выгодное положение. Но стоило ему задуматься, какие шаги предпримут дальше великий канцлер Цзи Сюэкан и сам государь, как из-за ширмы донёсся странный, сдавленный рык.

Звук этот напоминал тяжёлое, прерывистое дыхание утомлённого тигра после яростного броска. Ху Пэй никогда раньше не слышал ничего подобного, и в нём проснулось искреннее любопытство.

Оставив свои думы, он тихо поднялся и направился в купальню.

Стоило ему переступить порог, как до тонкого обоняния лиса донёсся весьма своеобразный, ни с чем не сравнимый запах. А когда он скользнул взглядом по лицу Чао Цо — расслабленному, покрытому испариной и залитому густым румянцем, — всё сразу встало на свои места.

В груди Ху Пэя мгновенно вспыхнул такой яростный гнев, что ему до смерти захотелось прибить этого негодяя прямо на месте.

«Я к нему со всей душой, как к названому брату, а этот паршивец творит такое в моей лохани?!»

Ху Пэй едва не задохнулся от возмущения.

Чао Цо, ещё витавший в облаках, почувствовал лёгкое дуновение прохлады и повернул голову. Стоило ему увидеть стоявшего на пороге Ху Пэя, как краска стыда залила его лицо до самых ушей. Он принялся судорожно плескаться в воде, пытаясь скрыть следы своего преступления и унять панику.

Ху Пэй не нашёл слов, чтобы выразить всё своё отвращение. Кое-как подавив желание утопить наглеца, он круто развернулся и вышел прочь.

Столкнувшись в коридоре с Минцуанем, который нёс свежую воду, Ху Пэй ледяным тоном приказал:

— Занеси воду. Пусть этот... гость ополоснётся как следует ещё раз. А потом возьми деньги из моих личных сбережений и выброси из той комнаты всё до единой вещи. Бочку, ушат, циновки — замени всё на новое. Чтобы духу этого здесь не было.

— Слушаюсь, молодой господин, — беспрекословно ответил слуга.

Брезгливость хозяина была известна всем в доме не первый год. Если бы Минцуань и Ху Линь в своё время не женились на служанках из этого же поместья, Ху Пэй, верно, и их давно бы выставил за порог.

Из купальни донёсся шум яростно наливаемой воды.

Ху Пэй жестом приказал Ху Линю принести ужин и накрыть на двоих.

На душе у него по-прежнему было беспокойно. Тревога крепла с каждой минутой: Повелитель Грома до сих пор не подавал вестей, а ведь ночная сделка оставалась в силе. Без него спасти первую госпожу Ху будет невозможно...

Тяжело вздохнув, Ху Пэй сел за стол, стараясь вернуть лицу бесстрастное выражение, и стал ждать, пока слуги подадут ужин.